

О ДУШЕ И ЕЕ СПОСОБНОСТЯХ

Heßbrüggen-Walter S. Die Seele und ihre Vermögen. Kants Metaphysik des Mentalen in der «Kritik der reinen Vernunft». — Paderborn : Mentis, 2004. — 280 S.¹ (Хессбрюгген-Вальтер С. Душа и ее способности. Кантовская метафизика ментального в «Критике чистого разума». — Падерборн: Ментис, 2004. — 280 с.)

В современном кантоведении существует отчасти новая, отчасти возрожденная тенденция обращаться к философским дискуссиям XVIII столетия более детально и с большим охватом материала, чем в исследованиях, ориентированных только на анализ аргументации. Примечательно, что при этом не только применяют доксографический метод, но и пытаются использовать историко-философский контекст непосредственно для понимания аргументов Канта. Как раз в русле этой тенденции находится книга Стефана Хессбрюгген-Вальтера, которая поднимает важную тему обоснования кантовского деления познавательных способностей.

Книга подводит к мысли о том, что сегодняшнее понимание «Критики чистого разума» осложнено отсутствием необходимого контекста, знание которого Кант мог предполагать у современных ему читателей. При этом Хессбрюгген-Вальтер в основном обращается к теории способностей, представленной в КЧР: способность чувственности, рассудка, разума, суждения и воображения, — так что способность желания и теорию свободы удалось затронуть лишь мимоходом. Понятие «способность души» широко использовалось в XVII — XVIII веках для описания и классификации ментальных процессов и в то же время было предметом важных споров о том, какую же онтологическую нагрузку оно несет. Представив во второй главе основания этих дискуссий XVII века, в третьей Хессбрюгген-Вальтер обращается к спору Вольфа и Крузия о теории способностей, ставшему центральным для XVIII века. Вольф и Крузий придерживались противоположных точек зрения о том, сколько способностей или сил следует приписать душе: в то время как Вольф исходил только из одной основной силы (способность представлять мир) — автор называет эту позицию «номинализмом способностей» (*vermögensnominalistisch*), — Крузий предполагал, что существует несколько несводимых друг к другу основных сил (эта позиция обозначена как «реализм способностей» — *vermögensrealistische*). «Номиналисты» утверждают, что многообразие ментальных явлений может быть сведено к проявлениям лишь одной причинной инстанции, в то время как «реалисты» предполагают наличие хотя бы нескольких фундаментальных способностей не только в явлениях, но и по сути. Кант при этом находится на стороне «реалистов», как отмечает Хессбрюгген-Вальтер в четвертой главе при описании его трудов. Изложив в пятой главе то, как вообще могут быть индивидуализированы ментальные действия (что требуется для осмысленного причисления их к различным способностям), в шестой главе автор об-

doi: 10.5922/0207-6918-2013-3-12

© Вундерлих Ф., 2013

¹Перевод осуществлен по рецензии Фалька Вундерлиха на книгу Стефана Хессбрюгген-Вальтера, опубликованной в «Кант-штудиен» (*Heßbrüggen-Walter S. Die Seele und ihre Vermögen. Kants Metaphysik des Mentalen in der «Kritik der reinen Vernunft» (Falk Wunderlich) // Kant-Studien. 2010. № 2. S. 256–258*), с любезного разрешения редколлегии «Кант-штудиен».

ращается к важному для построения системы вопросу о том, как можно обосновать позицию «реалистов» средствами кантовской философии. Наконец, в седьмой главе представлены некоторые варианты дальнейшей разработки проблемы, которая может быть решена благодаря теории способностей.

Хессбрюгген-Вальтер констатирует, что у Канта присутствуют два противоположных базовых тезиса о знании, которое субъекты могут получить о самих себе и которое, согласно кантовской интерпретации, делится на две части: в соответствии с тезисом о непознаваемости не существует никакого внеопытного знания о когнитивных условиях получения нами знаний, согласно же тезису о самодостаточности разума он может сам познавать свои способности независимо от опыта. Хессбрюгген-Вальтер считает, что результаты исследования необходимо согласовывать с обоими тезисами и таким образом разрешать их противоречие. Основание для такого разрешения он видит в общей логике, которая должна содействовать внеопытному знанию о правилах нашего мышления (гл. 6). Хотя логическое знание приобретает не наглядно, но в теориях способностей есть стойкая тенденция предполагать участие каузально действующих инстанций в формировании определенных представлений и их следствий: ментальные воздействия вызывают ментальные изменения так же, как и физические воздействия вызывают изменения в мире вещей. В связи с этим один из главных тезисов книги гласит, что вопрос о составе и области действия познавательных способностей переходит из метафизики в общую логику и делает тем самым последнюю ведущей наукой.

В конечном счете Хессбрюгген-Вальтер констатирует, что попытка реконструировать итоговое обоснование кантовского «реализма способностей» неудачна (§ 6.3). В таком случае уместно все же задаться вопросом, есть ли альтернативы у данного вывода. К примеру, недостаточно внимания уделено пространству и времени, которые определяют способность чувственности в *содержательном* отношении, в том числе в разделе, где подробно разбирается теория созерцания (§ 6.3, 7.1). Сам Кант описывает пространство и время как раз ввиду их специфического, непонятного характера, как совершенно гетерогенные по сравнению с функциями рассудка — прежде всего это касается отношения между частью и целым (частное пространство и время можно представить только как части всеохватного пространства или всеохватного времени; целое пространства и времени всегда предшествует их частям; пространство и время представляются бесконечно большими). Борьба Канта с особенностями пространства и времени становится абсолютно понятной при знакомстве с его трудами, написанными около 1770 года, в которых намечаются первые шаги к разграничению рассудка и чувственности («*О первом основании различения сторон в пространстве*», «*О форме и принципах...*», а также размышления критического периода). Возможно ли, что первостепенным основанием воспринимать пространство и время в духе «реализма способностей» являются формальные особенности того, как мы их себе представляем? Как бы то ни было, кантовская концепция пространства и времени содержит дополнительные материалы для понимания того, что рассудок и чувственность — фундаментально различные способности, неразличимые в обычной деятельности. Возможно в этой связи, что укорененность данной концепции — а именно ее пребывание в контексте метафизики из «школьной» философии — становится еще одной проблемой, которая проявляется в форме слишком

сильной приверженности этому традиционному подходу. Несмотря на недоработки в данной области, контекстуальный подход позволяет Хесбрюгген-Вальтеру представить в книге много новых трактовок и поясняет, на какие не известные нам сегодня постановки проблем мог бы ссылаться Кант. Ясно изложенный анализ с использованием обширного материала в любом случае являет собой убедительный и новаторский вклад в понимание теоретической философии Канта в целом и его теории души в частности.

Ф. Вундерлих, Майнц
Перевод с нем. А. Зильбера